

Ещё до того, как Том Гэлфин заговорил, Орвицка понял, что он не похож на полицейского: ни взгляд, ни манеры не выдавали в нём стража порядка. А когда он заговорил... тем более.

Хотя в Нортонской империи у полицейских не было никакой формальной подготовки, а нынешние тренировки в районе Рыбьего Хвоста были лишь наспех собранной мешаниной из знаний Орвицки, этого маленького бага, и выходцев из армии во главе с Далианом, это всё же была профессия, связанная с насилием. В такие смутные времена даже самый безответственный полицейский мог столкнуться с преступником, поэтому полицейские были крепче и жёстче обычных людей.

Но этот человек при ходьбе бессознательно сутулился, а его взгляд был слишком скользким. Заметив красную форму, он даже непроизвольно съёжился. Рядом с ним даже самый пронырливый Шультон показался бы слишком прямолинейным.

Этот человек больше походил на торговца, мелкого торговца, который изо всех сил борется за выживание.

– Здравствуйте, господин Гэлфин, мы пришли познакомиться с этой мастерской, – сказал Далиан. Он тоже не стал называть его офицером.

– А, понимаю! Конечно, понимаю! Нам предстоит долгое сотрудничество, – Гэлфин широко улыбнулся. – Прошу, входите, посмотрите. У нас почти всё готово. Это мужской корпус, это женский, а там – детский. На данный момент здесь можно разместить не менее пяти тысяч человек! Пять тысяч!

Он показал им пятерню, на его лице была гордость. Когда он заметил, что эта "пятёрка" не произвела на людей в красной форме особого впечатления, он немного смутился и даже непроизвольно съёжился. Только взглянув на свою синюю форму и поправив её, он снова выпрямился.

Далиан спросил:

– Но здесь, кажется, можно разместить не больше восьмисот человек?

– О-о-о. – Гэлфин наконец-то обрёл некоторую уверенность и странным тоном произнёс: – Прошу за мной, господа!

Он повёл их в мужской корпус. Как только они переступили порог, их поглотила тьма. Даже Орвицка, способный видеть в темноте, ощутил неприятное чувство от внезапного мрака.

Гэлфин тоже заметил, что слишком темно, выругался и велел подчинённым принести фонарь.

В тусклом свете фонаря Гэлфин наспех показал жилые помещения для своих людей на первом этаже и крайне примитивную кухню, а затем повёл их наверх. На втором этаже они увидели ряды... гробов?

– Это гробы? – прямо спросил Орвицка.

Назвать эти деревянные ящики гробами было бы преувеличением. Они были очень тонкими, "толще картона" – и то комплимент. На них не было видно гвоздей, Орвицка подозревал, что они склеены. Каждый ящик был примерно 150x50x50, внутри лежала крошечная подушка и грязное тонкое одеяльце.

Расстояние между рядами деревянных ящиков было меньше 30 сантиметров.

А в комнате высотой 250 сантиметров был ещё и второй ярус, так же плотно заставленный такими же тонкими деревянными ящиками.

- Это, конечно же, не гробы, господа, это кровати, - Гэлфин, худой и маленький, протиснулся внутрь. Он поднял одеяльце, под ним лежало ещё одно. - Смотрите, это матрас, а это одеяло.

Он дважды хлопнул по "матрасу", очень легко. Орвицка подумал, что тот и сам боится проломить "дно кровати".

- На самом деле, я хотел расставить кровати ещё плотнее, тогда в каждой комнате поместилось бы ещё как минимум двадцать коек. Ведь если другие просто повернутся на бок, то можно будет пройти. Но... пусть будет немного просторнее. Как вы считаете?

- Если мы поймаем бездомных, они будут жить здесь? А что дальше? - спросил Орвицка.

Видя их спокойное отношение, Гэлфин радостно выбежал из комнаты:

- Взрослый мужчина - 3 айко, женщина - 4 айко, ребёнок - 1 айко, старик - пол-айко. - Он тихо подошёл и понизил голос. - Если будут красивые, можем договориться. В месяц не меньше 20... 25 золотых гербов.

Он потёр руки:

- Ведь мы только начинаем, эти дома я построил на свои деньги, и людей тоже сам нанял. Э-э, кстати, если у вас есть предприятия, которым нужны рабочие, мы можем дёшево... бесплатно! Да, бесплатно! Только вам нужно будет прислать транспорт и обеспечить их одним приёмом пищи.

- Вы знаете, что это цивилизованное общество, верно? - спросил Далиан.

- Мы делаем доброе дело, господа, - Гэлфин продолжал подобострастно улыбаться. - Здесь мы принимаем бездомных. Если бы не мы, они бы умерли на улице. Здесь у них хотя бы есть крыша над головой, миска каши и кровать. Мы делаем доброе дело, господин офицер.

- Как мы можем забрать отсюда людей? Я имею в виду, забрать навсегда, а не нанять на время. Тоже мужчина - 3 айко, женщина - 4 айко, ребёнок - 1 айко, старик - пол-айко? - спросил Орвицка.

- Э-э... - Гэлфин посмотрел на Орвицку. Орвицка добродушно улыбнулся ему. - Мы ведь всё-таки какое-то время их содержали, так что...

- Хорошо, я понял. Действительно, мужчина - 3 айко, женщина - 4 айко, ребёнок - 1 айко, старик - пол-айко. - Орвицка кивнул. Он пнул ногой одну из стен, и в деревянной стене тут же образовалась большая дыра. - Я правильно говорю?

Хоть это и была деревянная стена, но всё же стена. Гэлфин тут же улыбнулся:

- Да, вы совершенно правы. Если вы хотите кого-то купить, всё по этой цене.

Орвицка и Далиан с людьми ушли. Их участок не будет отправлять сюда людей.

- То, что люди делают со своими сородичами, часто превосходит моё воображение, - сказал

Далиан.

- Не только люди, все разумные существа так поступают, - хотя это и звучало как сравнение худшего с худшим, Орвицка считал, что стоит возразить.

Далиан посмотрел на Орвицку:

- Ты прав.

Далиан совсем забыл, что он, в общем-то, не был хорошим человеком. Он был добрым, потому что Орвицка был добрым. Незаметно для себя он, кажется, привык к этому. И даже сегодня, увидев то место, он испытал настоящий гнев.

Далиан не удержался и коснулся мочки уха Орвицки.

Орвицка:

- ???

- Просто ты мне нравишься, - улыбнулся Далиан. Сколько людей в том полицейском участке были такими же, как он? Выбирали доброту из-за Орвицки и в итоге действительно становились хорошими людьми.

Орвицка не знал, смеяться ему или плакать. Хотя он и чувствовал, что атмосфера неподходящая, всё же поцеловал Далиана в щёку.

Вернувшись в участок, они увидели два отряда женщин-полицейских, которые ровным строем бежали трусдой. Возраст женщин-полицейских был очень разным: самой молодой было всего пятнадцать, а самой старшей - сорок три. Орвицка не требовал, чтобы они стригли волосы, но после того, как первая женщина-полицейский подстригла свои длинные волосы до уровня ушей, остальные постепенно последовали её примеру.

В настоящее время женщины-полицейские были распределены в мужские отряды и патрулировали вместе с ними - 2 мужчины-полицейских + 1 женщина-полицейский.

Даже в полицейском участке района Рыбьего Хвоста находились мужчины-полицейские, которые приставали к женщинам-полицейским, а некоторые даже считали, что женщины-полицейские - это жёны, которых им предоставил участок. Женщины-полицейские из числа людей в большинстве случаев не смели возражать, когда сталкивались с чрезмерным поведением. Будучи слабыми в жизни, стать полицейскими было для них самым прекрасным событием, и они очень боялись, что их "вмешательство" приведёт к потере этой работы. Но женщины-оборотни и женщины из Рода Крови, которые были среди них, не молчали. Обычно они сначала избивали обидчика, а затем сообщали начальству.

После увольнения шести полицейских, мужчины в участке, по крайней мере, внешне, стали вести себя как люди.

А обычные женщины-полицейские научились у своих смелых соратниц новому "здравому смыслу". По крайней мере, в отделении района Рыбьего Хвоста они могли рассчитывать на справедливое отношение к себе в случае несправедливости.

Эти дамы были более усердными и серьёзными, чем мужчины-полицейские. На их фоне те мужчины, которые ленились на тренировках и думали только о том, как бы отлынивать,

наконец-то немного взбодрились.

Ведь... в спаррингах между мужчинами и женщинами они уже превратились в мешки для битья, которых дамы валили на землю.

Перед тем, как войти в участок, Орвицка немного помедлил:

- Шерри! Ты тоже иди!

- Есть! - бравая женщина-полицейский отдала честь, распустила свой отряд и побежала за Орвицкой и Далианом.

Шерри была бравой женщиной-оборотнем. Она была красива, но её красота была дикой и сильной.

Женщины-оборотни легче находили хозяев, чем мужчины-оборотни. Двадцатилетняя Шерри когда-то тоже была чьей-то, но её хозяину она надоела, и он захотел новых. Это было обычным делом. В двадцать три года, вернувшись в клан, Шерри вышла замуж, родила двоих детей. Она думала, что так и будет жить, пока... в клане не пошли слухи о новом наследном принце.

Сначала она не верила. Как можно было верить? Она не была маленькой девочкой, верящей в сказки. Она прекрасно знала, что из себя представляет Род Крови.

Но её двоюродная сестра была Нэнси Серто, та женщина, которая не отказалась от своего сына-инвалида, добровольно переехала в заброшенную деревню оборотней-инвалидов, а потом вместе с ними была отправлена к наследному принцу.

Шерри получила письмо от своей двоюродной сестры. В письме было всего одно слово: "Приезжай".

И на таком большом листе бумаги она написала это в самом начале, заняв лишь тонкую полоску с краю. Сначала Шерри подумала, что сестра ошиблась, прислав ей пустой лист, а письмо забыла.

Но к письму прилагалась фотография, и на ней было гораздо больше всего: она, Аберт (сын-инвалид Нэнси) и группа человеческих детей.

На фотографии все эти маленькие головки улыбались, как будто были дурачками.

Она посмотрела на фотографию, бросила детей мужу и приехала одна.

Шерри тихо сидела в конце конференц-стола. Другие полицейские постепенно входили и рассаживались по своим местам. Некоторые бросали на неё долгие взгляды, но большинство, сев, дружелюбно ей улыбались.

Началось совещание. Орвицка и Далиан рассказали об увиденном в мастерской.

- ...Рабов с юга не хватает? - неосознанно пробормотал Большой Мак. - Э-э, простите, начальник.

- Ничего, у меня те же мысли.

- В последнее время Цита, Венгро-Сербия и многие другие континентальные страны

объединились против работорговли. В колониях тоже многие чиновники протестуют, – сказал Максим. – И, поверьте мне, обращение с рабами гораздо лучше, чем с "бездомными" в этой мастерской.

Все замолчали. Максим был прав.

Рабовладельцы заставляли рабов трудиться, применяли к ним различные пытки, но для них рабы были их личной собственностью, и они не хотели, чтобы их имущество несло убытки. Кто бы мог поверить, что рабовладельцы запрещают рабам избивать своих детей и требуют, чтобы дети были сыты?

А рабочие?

Это как разница между диким быком и домашним волком. Дикого быка, конечно, забивают на мясо, а волка кормят досыта, чтобы он работал.

Но бык, конечно, предпочёл бы свободно бегать по полям.

Орвицка вздохнул:

– А ты почему пришёл?

Это была полицейская работа, а Максим занимался его личными финансами.

– В прошлый раз вы говорили о рабочих удостоверениях. Я их сделал, посмотрите, – он достал маленький кожаный бумажник и протянул Орвицке.

В бумажнике лежала твёрдая карточка размером с визитку, вставленная в кожаный чехол. В окошке чехла виднелись две строки текста и фотография – фотография Максима. Текст гласил: "Исполнительный директор Концерна Мондейл Максим Томас". В углу фотографии стояла печать.

– Концерн? Не слишком ли громко? – спросил Орвицка, но заметил, что все смотрят на него.

– Орвицка, ты, кажется, не знаешь, насколько велико твоё предприятие?

– Не только в Содмане...

Максим покачал головой:

– На самом деле, наша жареная курица продаётся по всей стране, текстиль тоже хорошо продаётся, потому что качество нашей продукции выше, чем у аналогов.

– ... – В конце прошлого года всё было не так. Орвицка думал, что за эти четыре месяца он следил за развитием своего предприятия, но, оказывается... что он видел? Ладно, об этом не сейчас. – Это очень хорошо.

Лучше бы на лицевой стороне была ещё и пластиковая плёнка, но в мире без нефти не стоит требовать слишком многого.

– Фотографии тоже нужны для каждого?

– Да, для каждого, всего четыре штуки. Одна вклеивается в личное дело, одна хранится в папке с личным делом. Одна здесь, последняя остаётся у рабочего. И это не только для фабрики, –

Орвицка передал удостоверение Далиану. Далиан посмотрел и передал дальше. – Нам всем тоже нужны.

Получившие удостоверение были немного взволнованы. В эту эпоху фотография была дорогим и торжественным делом. Люди фотографировались по важным поводам и в нарядной одежде. Получить бесплатную фотографию, даже такую, как на документы, было для всех радостью.

Рабочее удостоверение вернулось к Максиму, и он аккуратно убрал его.

– Мы, кажется, отклонились от темы, – сказал Орвицка. – Эта мастерская... как нам с ней быть? Сжечь её – исключено, это приказ короля.

– Мы можем выставить людей на перекрёстках и забирать тех, кого привозят из других участков?

– Забирать и что дальше? Они все бездомные, мы будем их содержать?

– На самом деле, в нашем районе Рыбьего Хвоста бездомных не так уж и много.

– Да, может, просто не обращать на это внимания? Пусть другие районы отправляют, кого хотят.

– Можно через некоторое время выкупать детей и молодых женщин, нельзя их там оставлять.

– А ты думаешь, остальным там лучше? Или старикам там помирать?

– Вы думаете, мы сможем выкупить этих бродяг у коллег по первоначальной цене? Я вам скажу, как только мы предложим чуть больше, мастерская тут же поднимет цену.

– Дело не в том, поднимет ли мастерская цену, а в том, есть ли у нас деньги. Даже если те участки, с которыми у нас более-менее хорошие отношения, согласятся привозить людей к нам, сколько они привезут? У нас хватит денег?

Итог – денег нет.

В Содмане было ужасающе много бездомных.

К тому же, многие из них были "бездомными Шрёдингера". Их домом были самые дешёвые ночлежки, где койка стоила 2 айко, а угол – 1 айко. Семья покупала одно место и спала по очереди, или копила несколько дней, чтобы снять место и нормально выспаться.

У них был дом, но они были и бездомными. Всех их можно было запихнуть в мастерскую.

Если бы мастерская действительно начала без ограничений принимать бездомных, туда можно было бы запихнуть более семидесяти процентов населения Содмана.

– Господин, – заговорила Шерри. – Мне кажется, это дело стоит рассматривать в связке с двумя другими.

– С двумя другими? Ах! – Орвицка вдруг понял.

Два других дела – метро и Всемирная выставка.

Метро всё ещё строилось. Две его строительные компании, не имевшие никакого опыта, каким-

то образом оказались в числе лидеров по темпам строительства и даже получили благодарность от короля.

Для Всемирной выставки тоже нужно было строить павильоны. На окраине района Утун уже начали выравнивать землю. Территория была немаленькая, это тоже был большой проект.

Оба этих проекта, судя по королевскому приказу, должны были быть завершены и введены в эксплуатацию к августу следующего года. Нортонская империя – не строительный гигант. Как они собирались уложиться в такие сроки?

Орвицка раньше думал, что придётся нанимать большое количество рабочих, и даже подумывал о том, чтобы сказать Максиму не расширять строительные бригады. Ведь такое масштабное строительство, да ещё и с возведением "чуда света", не было постоянным. Что делать с рабочими, когда работа закончится?

Но оказалось... что королева, вероятно, тоже поняла проблему, увидев темпы раннего строительства метро, и больше не собиралась нанимать медлительных частных рабочих.

Бездомные (рабы) – как это удобно! Не нужно платить зарплату, достаточно заплатить владельцу мастерской... нет, скорее всего, владелец мастерской должен был, наоборот, заплатить мэрии за право на ведение этого бизнеса. А прибыль они получали, выжимая всё из бездомных.

Это было действительно взаимовыгодное дело.

Королева получала бесплатных строителей, фабрики – дешёвую рабочую силу, полицейские – немного карманных денег, владельцы мастерских – неплохую прибыль, город становился чище, а преступность снижалась. Все были довольны, а единственная группа, которая была против... не имела голоса.

– Вселенная конечна, человеческая злоба – бесконечна.

Все всё поняли. Только что оживлённо спорившие люди замолчали. В конференц-зале стало пугающе тихо.

– Защищайте своих, – после долгого молчания сказал Орвицка. Он закрыл глаза. – Не лезьте в эту мастерскую.

Могут ли они противостоять королеве? Нет. Поэтому это было единственное, что они могли сделать.

Те несколько фабрик, которые ранее снизили зарплату рабочим, полностью уволили всех. Владелец заявил, что хочет совершить доброе дело и нанять бездомных из государственных мастерских, дав им работу и миску еды. Говорят, многие хвалили этого владельца за его благотворительность.

Полицейский участок района Рыбьего Хвоста не отправил в Пятую мастерскую ни одного бездомного, но Пятая мастерская за короткое время уже была переполнена. Их привозили из Чёрного района. Тамошние полицейские раньше не отличались рвением в расследовании дел, но с момента создания мастерской они внезапно стали очень усердными. Полицейские машины, набитые людьми, приезжали одна за другой. Они не разбирались, из какого района человек, просто везли ближайших.

В итоге, они захватили немало людей из района Рыбьего Хвоста, которые приехали навестить родственников. Когда эти типы хватали людей, они действовали так: сильный мужчина – хватай! одинокая женщина – хватай! играющий на улице ребёнок – хватай!

Хватали и запихивали в автозак, не слушая никаких объяснений.

Начиная со второго дня работы мастерской, в полицейский участок района Рыбьего Хвоста посыпались заявления. В итоге, Далиан и Орвицка, которые собирались не вмешиваться, были вынуждены выставить посты у мастерских в районах Рыбьего Хвоста и Чёрном. Если кто-то говорил, что он из района Рыбьего Хвоста, его забирали.

В итоге, забрали немало людей, которые не были из района Рыбьего Хвоста. И в результате... большое количество бездомных начало перебираться в район Рыбьего Хвоста. К счастью, личный состав в районе Рыбьего Хвоста был реорганизован, некоторые женщины-полицейские уже могли работать самостоятельно, были созданы упрощённые районные комитеты, а также мобилизованы местные молодые мужчины. На улицах района Рыбьего Хвоста было шумно, но порядок не ухудшился.

И они организовали конные повозки, специально для перевозки людей на фабрики. Это стоило денег, но было гораздо дешевле, чем общественный транспорт.

Но с массовым захватом молодых мужчин и женщин, на некоторых фабриках начались прогулы, и этим владельцам пришлось нанимать людей из мастерских.

Услышав эту новость, Орвицка сначала забеспокоился, но его опасения не оправдались.

Действительно, сначала некоторые владельцы нанимали рабочих из мастерских, но даже для закручивания гаек лучше подходил опытный рабочий, не говоря уже о работах, требующих большей квалификации.

А люди, запертые в мастерских, получавшие лишь миску чёрствого хлеба с водой в день, страдавшие от холода и недосыпания, покрытые паразитами и, возможно, больные инфекционными заболеваниями, даже под ударами плети не могли работать эффективно на работах, требующих концентрации.

Поэтому большинство богатых торговцев начали протестовать в мэрии. Но некоторые... нанимали негодяев, чтобы те похищали рабочих с их собственных фабрик и отправляли их в мастерские.

Конный транспорт района Рыбьего Хвоста дважды сталкивался с подобными случаями, и после этого повозки стали сопровождать полицейские. Некоторые торговцы также потребовали, чтобы их полицейские участки предоставили им транспорт и охрану, причём бесплатно, потому что полицейский участок района Рыбьего Хвоста не брал с торговцев денег.

И тогда Кларос и Хоутмари, представляя другие полицейские участки, приехали в гости в участок района Рыбьего Хвоста.

– А ты зачем пришёл? – Орвицка посмотрел на Клароса. Тот уже был официальным начальником участка района Утун. – В Утуне, в таком элитном районе, тоже торгуют людьми?

Он говорил грубо, но ведь он был наследным принцем. Оба могли лишь горько улыбнуться.

– Мы, конечно же, не ваши враги, господин, – тут же подлизался Хоутмари, чтобы успокоить

Орвицку. – Мы пришли не для того, чтобы вы полностью прекратили перевозку рабочих, а лишь чтобы вы приостановили её на два-три дня, для вида.

<http://bllate.org/book/17916/1715963>